

Папков А. А. Древнерусский приход: Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII в. и в Западной России до XVII в. // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 2. С. 251–284 (3-я пагин.). (Начало.)

ДРЕВНЕ-РУССКІЙ ПРИХОДЪ.

Краткій очеркъ церковно приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII вѣка, и въ западной Россіи—до XVII вѣка.

Изъ особенностей русской древне-приходской жизни возникла характерная форма общенія между православными людьми для цѣлей религіозно-церковныхъ, извѣстная подъ именемъ „церковнаго братства“ или „братчины“. Церковныя братства, сначала подъ названіемъ „медовыхъ братствъ“, развились, размножились и укрѣпились въ западной Россіи, а затѣмъ въ эпоху уніи совершенно самобытно преобразовались въ замѣчательные религіозно-просвѣтительные союзы, которые, какъ извѣстно, спасли въ этомъ краѣ православіе и русскую народность отъ порабощенія католичеству и польской власти. Въ восточной Россіи такими родственными по происхожденію учрежденіями явились „братчины“, или „братовщины“. Подъ этимъ названіемъ, обыкновенно въ узкомъ его значеніи, понимаются „складочныя пиры“ прихожанъ въ дни храмовыхъ, или особо-чтимыхъ праздниковъ, но, какъ мы постараемся выяснитъ, подъ „братчиной“ надлежитъ разумѣть приходскую общину при церкви, устроенную по началу совѣсти для мѣстныхъ религіозно-церковныхъ цѣлей.

Въ „свободной“ общинѣ, въ этой основной формѣ русскаго народнаго быта, а равно въ тѣхъ началахъ, которыя сложены русскими людьми во взаимныя ихъ общественныя отношенія, слѣдуетъ искать источникъ, откуда были почерпнуты образцы для учрежденія всякаго рода добровольныхъ общественныхъ союзовъ, преслѣдовавшихъ различныя цѣли. Корни братскихъ церковныхъ союзовъ, по нашему край-

нему разумѣнію, лежать въ нѣдрахъ русскаго общественнаго быта, преобразовавшагося подъ вліяніемъ христіанства, и достигшаго довольно значительнаго нравственнаго уровня.

Отличительныя черты обширнаго устройства древней Руси. Прослѣдить на протяженіи многовѣковой русской жизни за тѣмъ могущественнымъ и неотразимымъ вліяніемъ, которое оказывали самобытныя общинныя начала на разнообразныя проявленія народной дѣятельности, представить наглядно всю уравнительность, которую вносили эти начала во взаимныя отношенія разныхъ классовъ населенія по общественнымъ ихъ дѣламъ. — даже въ сельско-хозяйственную жизнь и въ отправленіе военной и сторожевой службы казачьихъ круговъ и становъ на дальнемъ Уралѣ или на Дону, — задача весьма трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важная, такъ какъ раскрытіе всѣхъ этихъ фактовъ и правильное ихъ освѣщеніе можетъ послужить къ выясненію основъ нашего народнаго характера и завѣтныхъ стремленій русскаго народа къ осуществленію своего историческаго призванія, къ своей „русской правдѣ“. Уже въ своихъ различныхъ рабочихъ и торгово-промышленныхъ артеляхъ, которыя безспорно могутъ выставить своимъ девизомъ: „вѣрность и честность“, и которыя повсемѣстно и съ давнихъ поръ приобрѣли довѣріе общества, народный умъ и совѣсть сѣмѣли выразить: какіе общественные идеалы имъ всего ближе къ сердцу.

Въ своихъ артельныхъ учрежденіяхъ русскіе люди достигли возможнаго уравниенія правъ трудящагося класса и примиренія тѣхъ соціальныхъ несовершенствъ и неправильностей, которыя замѣчаются въ человѣческомъ обществѣ повсюду и всегда; въ этихъ учрежденіяхъ личное начало и личная инициатива, по добровольному соглашенію людей участвующихъ въ союзѣ, связана только на время, пока пребываніе въ немъ они находятъ для себя выгоднымъ; да къ тому же, находясь въ соединеніи, они не утрачиваютъ всей своей независимости. Посредствомъ артели личность, входящая въ составъ ея, неизмѣримо выигрываетъ въ своей силѣ и въ своемъ общественномъ значеніи; она выводится изъ апатіи и безжизненности; ей легче бороться съ монополіей и съ окружающими ее со всѣхъ сторонъ привилегіями сильныхъ людей; она свободнѣе выдерживаетъ гнетъ ихъ капиталовъ. При развитіи этихъ союзныхъ началъ обще-

ственная атмосфера скорѣе очищается отъ всякихъ корыстныхъ вожделеній, а строй общественный—отъ лицъ торгующихъ личнымъ трудомъ рабочаго класса (подрядчиковъ, посредниковъ), процвѣтаніе которыхъ стоитъ въ прямой зависимости отъ отдаленности производящаго класса отъ потребителей, поставленныхъ въ необходимость приобретать нужные предметы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Мечта о равенствѣ между собою отдѣльныхъ членовъ человѣческаго общества является химерой, и подчасъ опасной химерой; стремленіе же къ равенству между отдѣльными союзами, хотя тоже, быть можетъ, еще мечта, но мечта всетаки осуществимая.

Выясненіе значенія общинныхъ началъ въ ходѣ развитія русской исторической жизни, по своей обширности и трудности, представляетъ собою такую задачу, которая выполняема лишь по частямъ. Мы попытаемся только прослѣдить за тѣмъ, какъ эти общинныя начала встрѣтились въ области религіозно-церковной съ другими высшими жизненными началами, именно съ началами вѣчными христіанскими, и какъ эти первыя, по характеру своему, оказались способными проникнуться этими послѣдними, освятиться ими и одухотвориться настолько, что, по возможности, сдѣлались въ свою очередь надежными проводниками въ жизнь христіанскихъ требованій.

Еще во времена языческія славянскія племена проявляли въ своихъ религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ, а также въ устройствѣ праздничныхъ церемоній, свойственныя ихъ характеру наклонности къ совокупной дѣятельности, къ общему праздничному веселью. Въ языческіе храмы (балтійскихъ славянъ) поступали вклады не только отъ частныхъ лицъ, но и отъ народныхъ общинъ, и независимо отъ этихъ добровольныхъ случайныхъ пожертвованій, народъ облагался опредѣленною данью (десятина, божничье), а въ частности—промышленные и торговые классы. Кромѣ этой дани и приношеній, языческіе храмы владѣли собственными землями, и всѣ эти средства, а также остатки отъ обильныхъ жертвоприношеній, позволяли удѣлять часть ихъ на дѣла благотворительныя. Сироты и всѣ бѣдные считались подъ особннымъ покровительствомъ боговъ и потому часть этихъ жертвъ, состоящихъ обыкновенно изъ домашнихъ живот-

Религіозно-общественные союзы въ тогу языческую.

ныхъ и птицъ, раздавалась, по совершеніи обряда, бѣднымъ („убогимъ“, „божьякамъ“, „богцамъ“). Древніе писатели, сообщая о бытѣ славянъ, вообще замѣчали, что между ними мало было нищихъ. Заботиться о больныхъ и престарѣлыхъ, кормить ихъ и покоить, считалось у славянъ священнымъ долгомъ. Въ дни праздничные за религиозными обрядами и жертвоприношеніями шли всегда веселыя пиршества и имъ посвящался весь остатокъ дня; тутъ же, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, производилась торговля и судбище. Славяне (балтійскіе) привыкли справлять свои праздники при храмахъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, и собирались въ особыхъ пристройкахъ, сдѣланныхъ при нѣкоторыхъ храмахъ въ ихъ дворахъ, обнесенныхъ оградой. Напримѣръ, при Штетинскомъ храмѣ Триглава были построены, — не только для пировъ, но и для народныхъ со-вѣщаній, — особыя помѣщенія, имѣвшія столы, а кругомъ стѣнъ — сѣдалища и скамьи, сдѣланныя амфитеатромъ; во время пира сюда изъ храма приносились серебряныя и золотыя чаши, буйволы рога для питья, ножи и прочее. Эти пиршества носили священный, религиозный характеръ (на нихъ провозглашались торжественныя здравицы) и были, въ полномъ смыслѣ слова, общенароднымъ торжествомъ, и такъ какъ на эти праздники стекалось множество людей, мужчинъ и женщинъ, то издревле существовалъ обычай собирать потребныя для пиршества принасы путемъ складчины. Общественное пиршество сопровождалось пѣснями, — въ похвалу богамъ и богатырямъ, — музыкой (на гусяхъ, бубнахъ, смыкахъ, сопѣляхъ и мѣдныхъ рогахъ), а затѣмъ шли всевозможныя игры и потѣхи, состоявшія въ пляскѣ („хороводъ“, „коло“), въ переряживаніи, въ разныхъ представленіяхъ скомороховъ, въ кулачныхъ бояхъ и разгулахъ, особенно въ Яриловы праздники.

Подъ вліяніемъ христіанства весь древній русскій бытъ долженъ былъ переродиться. Храмъ Божій, какъ домъ общей молитвы, притянулъ къ себѣ всѣ общественныя силы ¹⁾; онъ создалъ „приходъ“, то есть такую морально-настроенную общественную единицу, крѣпче когорой не можетъ быть

¹⁾ По старинному понятію: „церковь есть земное небо“. См. Востоковъ, Опис. Рум. муз. № ССХVI (коричная), стр. 287.

Учрежденіе
„прихода“
въ эпоху
христіан-
скую.

среди человѣческаго общества, считающаго удовлетвореніе религіозно - церковныхъ потребностей самымъ насущнымъ своимъ дѣломъ. Христіанскіе интересы, сплотивъ „прихожанъ“ религіозною связью, поставили цѣль жизни каждаго человѣка, именно стремленіе его къ „общему благу“, еще выше и прочнѣе, и русскихъ общинниковъ, объединенныхъ чувствомъ земной справедливости, объединили чувствомъ братскимъ и сдѣлали ихъ „братьями“, или „братчиками“.

Писатели, посвятившіе свои труды исторіи нашей православной церкви, поражены множествомъ церквей и монастырей, которые были выстроены повсемѣстно въ первые вѣка введенія христіанства на Руси. Достаточно сказать, что въ 1124 году, во время страшнаго пожара продолжавшагося два дня (23 и 24 Юня) и истребившаго почти весь Кіевъ, сгорѣло въ немъ шесть сотъ церквей; въ 1134 году, когда погорѣла въ Новгородѣ торговая сторона отъ Плѣтничнаго, нынѣ Теодоровскаго, ручья до Холма, нынѣ Славна, на этомъ небольшомъ пространствѣ сгорѣло десять церквей, а въ концѣ XV вѣка въ Новгородѣ числилось 80 церквей ¹⁾. Въ Москвѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, по свидѣтельству путешественниковъ, повѣрившихъ наблюденія одинъ другаго (въ томъ числѣ Олеарія), число всѣхъ церквей простиралось до двухъ тысячъ. Церкви строились въ городахъ, помѣстьяхъ, селахъ великими князьями и княгинями, боярами, высшимъ духовенствомъ, частными лицами и „міромъ“, то есть народомъ сообща ²⁾. Изъ числа этихъ послѣднихъ церквей особенный интересъ представляютъ такъ называемыя „обыденныя“ церкви. Такими церквами назывались тѣ, которыя были задуманы на мірской сходкѣ и построены народомъ въ одинъ день „по обѣту“, въ память

*Построеніе
церквей и
монасты-
рей „мі-
ромъ“.*

¹⁾ См. Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. муз. 1842 г., стр. 41, описаніе церквей Новгор. XV, или XVI вѣк.

²⁾ Большинство церквей въ древности были деревянныя (по обилію лѣса) и незатѣливой архитектуры. Въ нѣкоторыхъ городахъ даже въ башняхъ надъ воротами устраивались маленькія церкви, или часовни; Костомаровъ, Очер. дом. жизни. стр. 7, 16, 50. Строили сельскіе храмы только двумя способами, по старинному выраженію: „клѣтки“, въ видѣ большой клѣтки, большаго зданія, молитвеннаго дома, или „вверхъ“, то есть въ формѣ теперешнихъ церквей съ шей, трибунами и главами; Ленковъ. Рус. нар. и госуд., стр. 250. О постройкѣ церквей частными лицами см. напр. П. С. Л., (Нов. П.), т. III, стр. 13, 18, 127.

побѣды, за избавленіе отъ общественныхъ бѣдствій, или въ отвращеніе несчастій (повальныхъ болѣзней, нашествія неприятелей и т. п.). Обыденныя церкви посвящались обыкновенно Спасителю, святымъ: Аоанасію, Анастасіи, Прор. Или; иногда на вѣчѣ рѣшался жребіемъ вопросъ, какому святому посвятить церковь. Для такой постройки народомъ сообща привозилось дерево, — которое иногда изъ видовъ благочестія носилось на плечахъ, — затѣмъ срубалась церковь, освящалась и въ ней совершалась литургія съ молебномъ объ избавленіи отъ бѣдствія, — все въ тотъ же день. Въ нашихъ сѣверныхъ городскихъ приходахъ церкви иногда строились цѣлой улицей ¹⁾, то есть сосѣдними домохозяевами („прихожанами-уличанами“) въ складчину („пометомъ“) ²⁾, или же на средства какого либо купеческаго кружка; а въ сельскихъ приходахъ (въ Новгородской области, въ Устюжскомъ и Холмогорскомъ краѣ, а также въ центральныхъ областяхъ Россіи) большая часть церквей была „мірскимъ строеніемъ“; такъ, въ Бѣлозерской писцовой (езовой) книгѣ 1585 года при описаніи церковью села Богословскаго прямо сказано (въ видѣ общаго правила) „а церкви ставятъ приходомъ“ ³⁾. Въ новыхъ деревняхъ сначала обыкновенно „поселепцами-складниками“ выстраивалась часовня и образовывался такъ называемый часовенный

1) Улицы часто носили названія по именамъ церквей, построенныхъ на нихъ, и на пересѣченіи улицъ ставились образа въ кіотахъ; Костомаровъ, Очер. дом. жиз., стр. 33. Подъ названіемъ „уличанъ“ часто понимались „прихожане“, см. Стоглав, изд. Православ. Собесѣд., Казань, 1862 г., стр. 176—177.

2) П. Знаменскій, въ ст. Приход. духов. на Руси, въ Прав. Обзор. 1866 г., Сент. стр. 17, замѣчаетъ: такъ какъ древніе города состояли изъ множества почти самостоятельныхъ общинъ, такъ что каждая улица составляла особую общину, то очень естественно, что церкви строились въ городахъ цѣлыми улицами; каждая изъ уличинскихъ общинъ заботилась о снабженіи себя особымъ храмомъ. Имѣя обширную автономію, улица стремилась получить и церковную, сдѣлаться самостоятельнымъ приходомъ. Это даетъ особый смыслъ частымъ извѣстіямъ лѣтописи: построена церковь на такой-то улицѣ. См. П. С. Л., т. III, Нов. I, стр. 18 (1180 г.). „Срубина церковь св. Іакова (въ Новгородѣ) на Добрыни улицѣ“.

3) А. Ю., 230; о построеніи церквей міромъ см. Акт. Юрид., изд. Калачевымъ, стр. 698, Доп. къ Акт. Ист., т. III, № 8. Въ Сибири постройка церкви, выборъ къ ней священника, церковн. старосты—лежали на прихожанахъ; *ibid.* т. IV, 142.

приходъ, а такъ какъ въ старину церковная самостоятельность обуславливала гражданскую (что видно будетъ при обзорѣни административнаго значенія древняго прихода), и всякая община поэтому старалась устроить у себя храмъ, то со временемъ эта часовня часто превращалась въ настоящую церковь. Постройка храма какъ бы ознаменовывала совершеннолѣтіе общины и прихода.

Тоже на сѣверѣ встрѣчалось весьма много монастырей, расположенныхъ на тяглыхъ (черныхъ) крестьянскихъ земляхъ и тянувшихъ, наряду съ черносопными крестьянами, во всякіе разрубъ и разметы.—Эти монастыри возникали не только съ мірскаго согласія, но и поддерживались и расширялись всего болѣе при помощи „вкладчиковъ-крестьянъ, которые, заключая съ монастырскою братіею (старцами) особые „вкладные“ договоры, вносили свой вкладъ деньгами (или земельнымъ участкомъ) и обезпечивали себѣ безпрепятственный пріемъ въ монастырь, или же вѣчное поминовение послѣ смерти ¹⁾. Это стремленіе православно-церковныхъ союзовъ устроить въ своемъ приходѣ монастырь, который призванъ былъ осуществлять еще высшую форму братской жизни на землѣ, указываетъ на сердечную религіозность русскихъ людей, и это стремленіе проявлялось не только среди населенія восточной и сѣверной Руси, но также и западной и югозападной Руси. Въ своихъ челобитьяхъ, которыя передавались царю, или архіерею, мірскими холодами, благочестивые прихожане хлопотали о дозволеніи имъ построить монастырь въ виду того, что многіе „сверстные и увѣчные люди, а иные при смерти, постричься желаютъ“. Въ такомъ общинномъ или мірскомъ монастырѣ прихожане избирали настоятелей, и въ своихъ челобитьяхъ прямо сообщали, что они „излюбили въ строители монастыря пострѣженника старца такого-то“ ²⁾.

¹⁾ По тогдашнему выраженію: „строить душу“.

²⁾ А. А. Э ч. I, № 305, т II, № 2 (крестьянскіе вклады); А. И., т. I, № 24; см. выраженіе „общіе, особные и мірскіе“ монастыри въ А. Ю., № 385 (грам. IV), № 389.

Такимъ образомъ, быть можетъ (замѣчаетъ проф. Суворовъ въ Курцер. права, т. I, стр. 184; также Голубинскій, Ист. рус. цер., т. I, ч 2 стр. 452 и слѣд.), образовывалась оригинальная форма монастырей-приходовъ, которые, съ одной стороны, представляли собою монастырскую об-

*Отводилъ и
жоганамъ
земельныя
участковъ
въ пользу
церквей и
монасты-
рей, и со-
держаніе
на приход-
скія сред-
ства церк-
ви и при-
чта.*

Строя въ громадномъ количествѣ храмы и монастыри, наши великіе князья, епископы, а равно частныя лица и общества; приписывали имъ въ частную собственность большія земельныя угодья, которыя, принадлежа монастырямъ (необщиннымъ), въ большинствѣ случаевъ объялись отъ государственныхъ податей и повинностей и освобождались отъ подвѣдомственности государственнымъ властямъ въ административномъ, судебномъ (кромѣ важныхъ уголовныхъ преступленій: душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ) и финансовомъ отношеніяхъ, а потому эти церковно-монастырскія земли охотно засѣлялись крестьянами, платившими за ихъ пользованіе только оброкъ церквамъ и монастырямъ (т. е. ихъ прикащикамъ). Обращая, главнымъ образомъ, вниманіе на приписку церквамъ земель со стороны крестьянъ и крестьянскихъ обществъ, мы видимъ, преимущественно на сѣверѣ, гдѣ земельное положеніе крестьянъ было несравненно льготнѣе, нежели въ центральныхъ областяхъ, что эта приписка была явленіемъ совершенно зауряднымъ. Въ древнихъ актахъ сохраняется много „духовныхъ и отказныхъ“ крестьянъ, по которымъ они передаютъ „на поминъ души“ свои земельныя надѣлы во владѣніе и пользованіе церквамъ, монастырямъ или же причту¹⁾; а равно встрѣчаются акты купли-продажи, въ силу которыхъ мірское общество, въ лицѣ старосты, пріобрѣтало на церковныя доньги (домовые: всевятскіе, георгіевскіе, никольскіе) имѣнія для церкви („мірскихъ людей подаянье“), съ указаніемъ иногда въ актѣ, что деревня отдана „на воскъ, ладанъ и на всякое церковное строеніе“; кромѣ такихъ „братскихъ общихъ“ деревень, пріобрѣтались для церкви еще другія недвижимости и доходныя статьи, какъ то: амбары,

цину, сгруппировавшуюся около церкви, а съ другой -- служили приходскою церковью для большаго или меньшаго количества прихожанъ. Въ такихъ монастыряхъ—приходахъ игуменъ былъ вмѣстѣ приходскимъ священникомъ и наоборотъ: но могло быть и такъ, что одновременно существовали при церкви и чернецы съ игуменомъ и бѣлое приходское духовенство.

¹⁾ Весьма любопытны списки съ старинныхъ кунчихъ; закладныхъ, писанныхъ Двинянами въ XIV вѣкѣ. Они помѣщены у Востокова, Опис. рукон. Рум. Муз., 1842 г., стр. 107 и слѣд. На стр. 108 (листъ 9) помѣщена слѣдующая записъ: „Се куня Григорей староста еп. Николи втомъ.... доукуть земля на два пуза вниколини поли“.

лавки, винокурни, тони и прочее ¹⁾. Обыкновенно при самомъ устроеніи на мірскія средства церкви или часовни, какъ въ городѣ, такъ и въ селѣ, подъ эту постройку широко отводилась земля, такъ, чтобы можно было устроить и кладбище, въ древности существовавшее даже при городскихъ церквахъ, а равно и помѣщеніе для причта и, какъ увидимъ ниже, также и для нищихъ.

Кромѣ выдѣла въ пользу монастырей и церквей земельныхъ имуществъ, великіе князья и цари обезпечивали церковный обиходъ и причты большинства построенныхъ въ городахъ церквей, а также и сооруженныхъ въ ихъ дворцовыхъ вотчинахъ, содержаніемъ (ругой) и эти церкви носили по преимуществу названіе „ружныхъ церквей“; тогда какъ содержаніе нѣкоторыхъ городскихъ церквей съ ихъ причтами, и большинства сельскихъ церквей, построенныхъ на крестьянскихъ земляхъ (тяглыхъ или государственныхъ, а также владѣльческихъ, отданныхъ крестьянамъ въ пользованіе) упало на приходскую общину. Свѣдѣнія, заключающіяся въ древнихъ актахъ и писцовыхъ книгахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что помимо платы за требы, наши общества, какъ городскія, такъ и сельскія, упорядочивали эту статью расхода и принимали на себя обязанность содержать церкви и находящіяся при нихъ причты; съ этою цѣлью они въ большинствѣ случаевъ и дѣлали тѣ пріобрѣтенія земель, о которыхъ выше упомянуто. Независимо отъ сего, приходскія общины устанавливали денежные и натуральные оброки либо „съ двора“, либо „съ лошади“, и на эти средства снабжали свои приходскія церкви: воскомъ, ладномъ, виномъ церковнымъ, утварью, рязами, иконами, книгами, а ихъ причтъ — деньгами, хлѣбомъ, сѣномъ и прочими припасами.

Остановливаясь на выясненіи вопроса объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ и связанныхъ съ ними дѣлахъ христіанскаго благотворенія и милосердія, мы замѣтимъ, что наша Соборная Церковь, стоявшая всегда въ близкихъ от-

¹⁾ См. напр., писцовую и переписную книгу XVII вѣка по Нижнему Новгороду, изд. Арх. Ком. 1896 г., столбцы 218, 284. Нижегородской церкви св. чуд. Николая въ Луковомъ ряду принадлежали: шесть лавокъ, семь шалашей и мѣсто лавочное „а съ нихъ платятъ оброкъ Николекому челу на церковное строенье 24 руб 16 алт и 4 денги“

ношеніяхъ къ народу, постоянно допускала это участіе въ широкихъ размѣрахъ и, что всего примѣчательнѣе, не дѣлила въ этомъ отношеніи мірянъ на классы съ предоставленіемъ высшему классу особыхъ правъ и преимуществъ, но равно почитала всѣхъ мірянъ сынами и членами общей матери-церкви.

*Выборъ
прихожанъ
на причта.*

Участіе великихъ князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ постоянно обнаруживалось въ старину при избраніи епископовъ („кого князь восхоцетъ и людіе“) и это право выбора сохранялось за народомъ во всей древней Руси, какъ восточной, такъ и западной, и въ отношеніи священно и церковнослужителей ¹⁾). Забота объ избраніи причта была предоставлена прихожанамъ и это старинное право было укрѣплено за ними постановленіемъ Стоглаваго Собора 1553 тогда какъ въ ружныхъ церквахъ, то есть состоявшихъ на казенномъ иждивеніи, члены причта избирались княжескими или царскими дворецкими, намѣстниками и дьяками, чрезъ которыхъ и получали свою ругу ²⁾). Выбравъ на мірскомъ сходѣ священника, приходская община заключала съ нимъ „порядную запись“, въ которой опредѣлялись ихъ взаимныя обязанности; именно община обязывалась безъ вины не отставлять отъ церкви священника и, опредѣливъ ему содержаніе „по старинѣ“, требовала отъ него неупустительно отправлять церковныя службы въ праздничные и царскіе дни, не отлучаться изъ прихода безъ „мірскаго вѣ-

1) Въ Новгородѣ избраніе епископа совершалось „вѣчемъ“, причемъ кандидатомъ ставилось лицо „излюбленное“, не смотря на незначительность его духовнаго званія: напримѣръ, извѣстны владыки, бывшіе при избраніи простыми иноками или священниками, такъ напримѣръ архіепископы: Илья, Григорій, Спиридонъ, Антоній, Арсеній. См. объ избраніи епископа княземъ и народомъ П. С. Л., т. I, стр. 165, т. II, стр. 127. См. у Филарета Ист. рус. цер. 1849 г., ч. I, стр. 182; Макарій, Ист. Рус. цер., т. III, стр. 206. Князья избирали епископовъ исключительно изъ иноковъ.

2) См. Стоглавъ, изд. Правосл. Собесѣд. 1862 г. Казань, стр. 176 и 177. „По всемъ святымъ церквамъ въ митрополіи и въ архіепископствѣхъ и въ епископствѣхъ избирають прихожане священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ искусныхъ и грамоте гораздыхъ и житиемъ непорочныхъ, и денегъ у нихъ отъ церкви и себѣ мзды не емлютъ ничего и приводятъ ихъ и приходятъ съ ними ко святителю“. Объ избраніи дворецкими, намѣстниками и дьяками (въ Исковѣ) ценовъ къ ружнымъ церквамъ см. стр. 178.

дома“ и „ѣздить къ болящимъ и роженицамъ безпечно“¹⁾; въ этихъ выборахъ принималъ участіе весь приходъ безъ различія сословій, то есть дворяне, дѣти боярскіе и крестьяне разныхъ помѣстій, — однимъ словомъ всѣ ходящіе въ церковь окрестные жители. Выбравъ священника, приходъ съ одобреніемъ отъ всего міра представлялъ своего кандидата къ архіерею для посвященія. Кромѣ священника міръ выбиралъ и другихъ членовъ причта и съ ними вступалъ въ договоръ, опредѣляя въ своихъ записяхъ постоянное и временное содержаніе по старинѣ, давая имъ также участокъ церковной земли и требуя за все это довольствіе ревностнаго исполненія принятыхъ обязанностей, дьячка же міръ обязывалъ нести и письменныя обязанности по волости, указывая ему; „въ письмѣ у всякаго Государева дѣла и у насъ мірскихъ людей всегда быть готову“. При этомъ приходъ требовалъ поручительства за избираемыхъ членовъ причта подъ страхомъ пени, если избранное лицо окажется негоднымъ. При этихъ выборахъ прихожане прежде всего обращали свое вниманіе на сыновей и ближайшихъ родственниковъ своихъ священно и церковно-служителей и обыкновенно выборъ падалъ на этихъ родныхъ, какъ на людей болѣе грамотныхъ и болѣе навичныхъ для занятія такихъ мѣстъ.

Положеніе духовенства въ приходѣ было въ старину почетное и вліятельное. Это положеніе оно пріобрѣтало, какъ своимъ образованіемъ и грамотностью, такъ и тѣсною связью своихъ интересовъ со всѣми интересами прихода. Еще изъ правила митрополита Кирилла, 1274 года, изъ поученій священнослужителямъ 1499 года, изъ постановленій Стоглаваго Собора, также изъ другихъ многихъ актовъ и сочиненій древняго времени извѣстно, что знаніе грамоты и священнаго писанія требовалось всегда и неизмѣнно отъ священниковъ. Въ правилѣ митрополита Кирилла было поставлено условіемъ для посвящаемыхъ во священники „аще грамотоу добрѣ свѣдять“; въ названномъ поученіи священнику давался совѣтъ: „почитай-же книгу часто, да имаше

*Положеніе
духовенства
въ при-
ходѣ.*

¹⁾ „Къ церквѣ Божіѣ бытъ подвижну, что бы церковь Божія не была безъ святаго ꙗвія“. — какъ говорилось въ порядныхъ записяхъ. См. Ак. Юр. быта, т. I № 7. II.

неразумныя научати“. Розысканія проф. Соболевскаго, основанныя на изученіи письменныхъ актовъ XV—XVII вѣковъ, привели его къ заключенію, что бѣлые священники въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ были поголовно грамотны. Но высшая духовная власть не довольствовалась тѣмъ, чтобы духовенство было только грамотно, но требовала, чтобы священникъ былъ „отъ божественныхъ книгъ сказателемъ“. Образование у священниковъ и знаніе грамоты у низшихъ членовъ клира, письменныхъ людей волости, предоставляло имъ большія преимущества въ приходѣ. Отцы духовные прикладывали руки въ актахъ за людей неграмотныхъ, призывавшихся къ суду въ свидѣтели и даже за должностныхъ лицъ, не умѣвшихъ писать. Священники скрѣпляли разные крѣпостные документы даже у лицъ великокняжескаго рода, и съ вѣдома и разрѣшенія высшихъ властей участвовали въ судѣ, въ качествѣ членовъ при разборѣ разныхъ судныхъ дѣлъ своихъ прихожанъ; наконецъ, приходскій клиръ участвовалъ и въ мірскихъ выборахъ земскихъ старостъ и судей. Но главной причиною выдающейся роли причта и въ особенности священника была та, что священно и церковно-служители въ старину были своими людьми въ приходѣ, сами происходили изъ народа, учились у тѣхъ же учителей, у которыхъ учились и другіе прихожане, и, не составляя замкнутой касты, жили одною жизнью и одними интересами съ приходомъ, принимали участіе во всѣхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ и получали отъ своего земства существенную защиту. Въ этой солидарности житейскаго обихода священника и прихожанъ и лежало основаніе всего вліянія духовенства въ приходѣ, какимъ оно въ прежнія времена пользовалось и которое оно во многомъ утратило съ того времени, какъ замкнулось въ особое сословіе, со своими спеціальными училищами, проникнутое узко сословными интересами, все болѣе и болѣе отдалявшееся отъ земскихъ интересовъ и дѣлъ.

Построивъ на общія средства церковь (на которую прихожане смотрѣли какъ на свою собственность), имѣя такія важныя обязанности, какъ выборъ причта и обезпеченіе его содержаніемъ, а равно заботы объ обиходѣ церковномъ, наконецъ распоряжаясь совершенно самостоятельно и неза-

висимо отъ архіерейской власти всё́мъ имуществомъ церкви, въ особенности же церковными землями, приходская община, находившаяся въ такой тѣсной связи съ своимъ храмомъ, поставлена была, въ видахъ успѣшнаго самоуправленія, въ необходимость избирать изъ своей среды довѣреннѣйшихъ лицъ, которыя, въ качествѣ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей, завѣдывали всёми этими дѣлами ¹⁾.

Въ самой глубокой древности мы находимъ при церковно-приходской общинѣ церковнаго старосту; слѣды существованія этой должности встрѣчаются въ древнѣйшемъ актѣ, именно въ извѣстной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода-Гавриила (1134—1135 г.), данной Новгородской церкви Св. Иоанна Предтечи на Опокахъ. Изъ этой грамоты видно, что этотъ благочестивый князь, обезпечивая средствами и содержаніемъ названную церковь и ея причтъ, поставилъ къ ней старость, выбранныхъ изъ прихожанъ разныхъ классовъ населенія (отъ купцовъ, среднихъ и простыхъ людей). Эти старосты должны были завѣдывать хозяйственными дѣлами этой церкви. Въ древней Псковской землѣ, по особому положенію ея церковей, снабженныхъ земельнымъ имуществомъ „господиномъ Псковомъ“, церковные старосты хотя и не выбирались прихожанами, но исполняли тѣ же обязанности по завѣдыванію церковнымъ имуществомъ и хозяйствомъ, а также являлись представителями церковныхъ интересовъ на судѣ; они же, какъ видно изъ лѣтописей, принимали ревностное участіе въ поддержаніи и постройкѣ храмовъ ²⁾. Званіе церковнаго старосты принимали на себя знатнѣйшіе граждане города Пскова, его посадники, а высшіе іерархи церкви требовали отъ этихъ лицъ нравственныхъ качествъ и не допускали, — какъ выразился митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ въ Псковъ (23 Сентября 1427 года)— чтобы „старшинствовали въ церквахъ Божіихъ

Избраніи приходомъ церковнаго старосты, и его обязанности

1) Объ обязанности собирать церковные доходы „лучшимъ людямъ“ прихода (которые къ той церкви прихожи) и о снабженіи церковей святыми иконами и книгами на эти доходы, см. Стоглав. изд. Правосл. Собора 1862 г., Казань, стр. 329: „о пустыхъ церквахъ, что стоятъ безъ пѣнія“.

2) См. Н. С. Л., IV, стр. 195. Посадникъ Романъ и Ариеть поставили новый крестъ (прежній сломанъ бурей) на церкви св. Троицы, 202 и др. О существованіи церковныхъ старостъ въ Сибири въ XVII вѣкѣ см. цар. грам. Енисейскому воеводѣ Уварову; Доп. къ Ак. Ист. III, № 8.

и завѣдывали церковными дѣлами люди не соблюдающіе присягу или вступающіе во второй и въ третій бракъ“.

Въ приходахъ, расположенныхъ въ Холмогорской и Устюжской областяхъ, въ отдаленную эпоху, именно въ началѣ XVI вѣка, церковные и часовенные старосты существовали повсемѣстно при тамошнихъ церквахъ и часовняхъ и приобрѣли громадное значеніе въ тогдашней церковно-общественной жизни прихода. Для веденія своего обширнаго церковнаго хозяйства, главнымъ образомъ выражавшагося въ отдачѣ въ аренду („въ празгу“) церковной земли половникамъ, большіе приходы въ нашемъ сѣверѣ избирали, безъ точно опредѣленнаго срока, изъ своей среды, иногда при участіи священника, не только одного, но нѣсколько церковныхъ старостъ (обыкновенно двухъ, причемъ одинъ изъ нихъ дѣлался товарищемъ старосты) изъ числа „людей добрыхъ и душою прямыхъ и животомъ прожиточныхъ“ (то есть состоятельныхъ, изъ людей, какъ говорилось, „Бога боящихся“). Въ церковное „старощенье“ входилъ цѣлый кругъ сложныхъ обязанностей и мірской сходы выбиралъ часто въ помощь своимъ старостамъ особыхъ церковныхъ прикащиковъ, которымъ поручались въ завѣдываніе отдѣльныя статьи церковнаго земельного хозяйства, а также „мірскихъ посыльчиковъ, ходаковъ“, на которыхъ возлагались обязанности отстаивать предъ правительственными чиновниками, въ Москвѣ или другихъ центрахъ, интересы прихода. Такъ „міръ“ обязывалъ церковнаго старосту: вѣдать церковный обиходъ, — рядить церковныхъ половниковъ, — блюсти церковную казну и дѣлать выгодныя пріобрѣтенія земельныхъ угодій, — помогать изъ церковной казны хлѣбомъ и деньгами неимущимъ, — взыскивать самому по прошествіи года роздачныя въ долги деньги „не приваливая“ къ слѣдующимъ старостамъ, преемникамъ своимъ, — участвовать въ выборѣ причта и т. п. и дѣлать все сіе съ „мірскаго совѣта“, и давать во всемъ отчетъ міру „на своей правдѣ, передъ Спасовымъ образомъ“¹⁾.

¹⁾ Церковная казна, по старинной терминологіи, носила характерныя названія; такъ напримѣръ: Сласа Нерукотвореннаго образа казна, „Хлѣба Спасовы“, и т. п.; подобно тому и церковныя земли назывались „мѣстомъ церковнымъ Пвана Предтечи“, „мѣстомъ церковнымъ великаго чудотворца Николы“, „пророка Ильи“ и т. п. (Бѣлевская вивліюенка, изд. Флагина,

При несомнѣнномъ существованіи въ народѣ грамотности въ древней Руси въ такихъ, напримѣръ, отдаленныхъ краяхъ, какъ Холмогорскій и Устюжскій, въ чемъ наглядно убѣждаютъ новооткрытые древніе акты разнообразнаго содержанія, юридически тонко составленные и подписанные, не только старостами и сотниками, но и простыми крестьянами въ качествѣ свидѣтелей („послуховъ“), не удивительно, что въ нѣкоторыхъ городахъ и волостяхъ встрѣчались такіе приходы, гдѣ церковные старосты сами, или при помощи церковныхъ дьячковъ, вели церковныя приходо-расходныя книги, и заключали письменные договоры относительно церковныхъ земельныхъ имуществъ. Всѣ эти документы даютъ въ настоящее время возможность составить себѣ полное понятіе о той дѣятельности, которую обнаруживалъ древнерусскій приходъ. Выбравъ членовъ причта, который обыкновенно въ эту эпоху состоялъ изъ священника, дьяка (носившаго, кромѣ того, обязанности сельскаго секретаря, или нынѣшняго нотаріуса), просвирни и сторожа (трапезника), а также церковнаго старосту, приходское общество не ограничивало свою дѣятельность этими выборами и не относилось послѣ того безучастно къ церковнымъ интересамъ и хозяйству, а напротивъ того, какъ мы видѣли выше, участвовало во всѣхъ распоряженіяхъ своего церковнаго старосты, скрѣпляло ихъ своимъ согласіемъ, требовало во всемъ себѣ отчетности, и входило въ нужды церкви настолько глубоко, что постоянно участвовало въ разныхъ челобитьяхъ, относящихся до церковныхъ дѣлъ, напримѣръ касательно устройства крестныхъ ходовъ въ дни своихъ храмовыхъ праздниковъ ¹⁾.

т. I, стр. 209, 452, 503, Писцов. и перепис. кн. XVII вѣка по Ниж. Новгороду, изд. Арх. Ком., 1896 г., столб. 87).

¹⁾ Типичнымъ примѣромъ самодѣятельности мірянъ въ древней Руси въ дѣлахъ обще-церковныхъ можетъ служить, напримѣръ, слѣдующій фактъ. въ XVII вѣкѣ жители гор. Вологды, видя чудеса отъ гроба Галактіона, умершаго въ 1612 году (сына казненнаго кн. Ивана Вѣльскаго) сошлись въ большое собраніе и обратились къ архіепископу съ просьбою о построеніи храма; архіерей, распросивъ благоговѣющихъ людей, истинныхъ и правовѣрныхъ, о житіи отшельника, и „совѣщавъ съ народомъ“, велѣлъ имъ построить храмъ на могилѣ Галактіона и братію собрать, а одному изъ этой новой братіи—составить житіе подвижника. Иногда окрестное населеніе побуждало монаховъ къ составленію правильнаго житія основателя

Административное значение прихода.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію внутренней жизни и дѣятельности древне-русскаго прихода, выразившейся также и въ дѣлахъ самопомощи и благотворенія, оставимъ вниманіе на административномъ значеніи нашего православнаго прихода. Древне-русскій приходъ имѣлъ значеніе не только въ религіозно-церковномъ отношеніи, но и въ административно-территоріальномъ; по крайней мѣрѣ это положеніе можетъ считаться доказаннымъ относительно всего сѣвера Россіи. Обширная древняя Новгородская область, какъ извѣстно, раздѣлялась нѣкогда на пять частей, носившихъ названіе „пятинъ“, а каждая пятина въ свою очередь дѣлилась на „половины“, заключавшія въ себѣ множество разнообразныхъ по пространству округовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „погостовъ“¹⁾. Прежде всего названіе „погость“ значило мѣсто, занятое церковью съ кладбищемъ и съ церковными и причтовыми постройками²⁾, затѣмъ это названіе перенесено было на селеніе, въ которомъ находился этотъ храмъ, дававшій, какъ будетъ сказано ниже, самое имя погосту, и наконецъ, названіе „погоста“ усвоилось цѣлому округу, который со всѣми своими сельцами, выставками, рядками (торговыми) и прочими поселеніями тянулъ „приходомъ, управой, судомъ и податями“ къ тому центральному мѣсту, гдѣ находился указанный храмъ. Въ

Погость.

мѣстнаго монастыря: см. Ключевского, Древне-рус. житія святыхъ, стр. 324, 390 и 396.

1) Пятинъ: Вотская, Шелонская, Обоньжская, Деревская и Бѣжецкая; въ нихъ числилось 343 погоста. См. подробности объ установленіи погостовъ со временъ великой княгини Ольги у Неволна „О пятиннахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. книж. III, 1853 года.“ См. также названія пятинъ въ „Описаніи Странника Стефана Новгородца „у Востокова, Румянц. муз. стр. 649. Въ этомъ описаніи пятинъ обозначены: 1. Шоловская; 2. Бѣжитцкая; 3. Обоньжская; 4. Водская; 5. Ижерская и Чудская тоже.

2) На церковномъ погостѣ устраивались въ праздники торги, отъ чего названіе „торжество“ въ значеніи праздника; см. Малышевскаго. „О церковно-приходскихъ попечительствахъ. Правосл. Обзоръ, Февраль 1878 г. Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ сѣверо-восточной Россіи, Росговская, приходящаяся около Власьева дня, по всему вѣроятію, ведетъ свое начало отъ праздника въ честь Волоса (скотскій богъ); (Селигерь, Рус. простонар. празд., вып. III, стр. 157. Торговые дни совпадаютъ съ днями церковныхъ праздниковъ. Знаменскій, „Прих. дух. на Русѣ“, Прав. Обзоръ 1866 г., Сент., стр. 15.

этомъ центральномъ селеніи располагались на житье, кромѣ помѣщиковъ, ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцевъ, еще разныя мѣстныя начальствующія лица (напримѣръ-тиуны, доводчики, посельскіе), и здѣсь на погостѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ особой пристройкѣ къ храму (какъ увидимъ ниже) сходились погощане на мірскія сходки для разрѣшенія своихъ общинныхъ дѣлъ. На погостѣ же около храма, гдѣ сосредоточивался, такъ сказать, главный нервъ общественной жизни, объявлялись разныя правительственныя распоряженія, позывы крестьянъ къ суду; такъ изъ Псковской судной грамоты усматривается, что позовникъ, посланный звать крестьянина на судъ, долженъ явиться на погостъ къ церкви и здѣсь предъявить свой позывъ: „а который позовникъ пойдетъ исца звати на судъ, и той позванный не пойдетъ на погостъ позовницы чести или ступитъ (спрячется) отъ позовницы; ино позовница прочести на погостѣ предъ попомъ“. Такимъ образомъ принадлежность человѣка къ извѣстному приходу имѣла оффиціальное значеніе, и въ государственныхъ актахъ для обозначенія общественнаго положенія какого нибудь лица писалось, что такой-то принадлежитъ къ такому-то приходу. Насколько твердо въ старину проведено было въ жизнь то начало, что храмъ въ главномъ селеніи погоста (въ обширномъ смыслѣ слова) составлялъ просвѣтительный центръ церковной и общественной жизни всего округа, весьма наглядно обнаруживается въ томъ фактѣ, что всѣ другія церкви, построенныя въ погостѣ въ разныхъ селеніяхъ (выставкахъ) и другихъ мѣстахъ, вмѣстѣ со своими причтами находились въ зависимости отъ церкви въ главномъ селеніи, то есть тянули къ ней церковною данью. На старинномъ языкѣ такой главный храмъ погоста носилъ названіе „становой церкви“ (старой), а прочія церкви погоста (или округа) назывались „выставками“, „выставочными церквами“. Вся церковная дань, причитающаяся съ погоста архіерею („подъѣздъ и десятина“), накладывалась на становую церковь, которая и раскладывала эту дань по всѣмъ выставочнымъ церквамъ своего погоста, и затѣмъ, получивъ „въ пособъ“ отъ каждой церкви ея долю, отсылала всю дань архіерею ¹⁾ Это совпаденіе

¹⁾ См. Ностановленіе Пскове. Суд. Грам. о чтеніи позовницы (т. е.

прихода съ административнымъ округомъ, въ которомъ жители связаны были не только въ податномъ и повинностномъ отношеніи (платежъ „погоста“ въ смыслѣ подати), но и въ отношеніи допущеннаго обычая и законами самоуправленія и собственнаго суда и, что еще важнѣе, въ отношеніи религіозно-церковномъ, замѣчается въ древности не только въ Новгородской области, но также и въ зависѣвшей нѣкогда отъ нея Двинской области (Заволочьи), въ Псковской землѣ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ областяхъ, какъ напримѣръ въ Рязанской, Смоленской и друг.

По изслѣдованію К. Неволіна („О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“) большая часть погостовъ (въ смыслѣ географически опредѣленныхъ приходовъ) имѣли составное, двойное наименованіе; одно изъ этихъ наименованій заимствовано было отъ церкви, а другое отъ имени главнаго селенія, гдѣ находилась церковь, такъ напримѣръ: погостъ „Спасскій Городенскій“ (нынѣшній Петербургскій уѣздъ), „Андреевскій Грузинскій“ („Андрея Святаго Грузинской“), „Григорьевскій Кречневскій“.

Постояннымъ мѣстомъ общественныхъ собраній жителей погоста была, по предположенію К. Неволіна, именно та мѣстность, гдѣ находилась церковь погоста, при которой обыкновенно устраивались, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, „трапезы“ („схожія избы“); именно въ писцовыхъ книгахъ указывалось: „да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ двѣ избы большія за трапезы мѣсть, гдѣ сходятца по воскресеньямъ крестьяне“, или: „да на погостѣ же изба схожая, а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ“ (Неволинъ, стр. 105). Въ Бѣлозерскихъ писцовыхъ книгахъ отмѣчено, что соборная церковь во имя Преображенія Господня „съ трапезой“, равно какъ и другія церкви на „Бѣлѣ озерѣ“ (Ак. Юр., № 231). Эти трапезы были

грамоты приглашающей въ судъ) позвонкомъ на погостѣ предъ попомъ. П. С. Г., изд. 2-е Мурзакевича (Одесса, 1868 г.), стр. 4, о „становыхъ и выставочныхъ церквяхъ“ см. Ак. Иер., т. I, №№ 142 и 208. Въ Столявъ (изд. 1862 г., стр. 369 и дал.) сказано: „Выставки церкви гдѣ запусѣли и впродъ пизъ не мочно были, ино бо сносили ихъ на погосты въ старымъ церквамъ, да придѣлы въ того храма ими устроили, что-бы было безпрѣшно“. Ср. Знаменскій. Прих. дух. на Руси, Прав. Обзор., Септ.

*Трапезы
или схожія
избы.*

для погощанъ мѣстомъ собраній и мірскихъ постановленій не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ. Такое предположеніе ученаго юриста нашло себѣ полное подтвержденіе въ Актахъ Холмогорской и Устюжской епархій, изданныхъ Археографической Коммисіей (т. XII и XIV Русской Исторической Библіотеки, 1890 — 1894 годовъ). Изъ этихъ актовъ (обвиняющихъ пространство времени съ 1500 по 1699 годъ) усматривается, что съ незапамятныхъ временъ при городскихъ и сельскихъ церквахъ Холмогорскаго и Устюжскаго края, какъ равно и при церквахъ Новгородской области, были устроены въ западной части церкви теплыя трапезы. Эти пристройки, примыкавшія непосредственно къ церкви и составлявшія съ ней одно зданіе, занимали пространство почти одинаковое съ самой церковью вмѣстѣ съ алтаремъ, но были отдѣлены отъ послѣдней стѣной, въ которой были вырублены окна въ церковь; предъ трапезой помѣщалась паперть съ крыльцомъ, а подъ всѣмъ этимъ зданіемъ устраивались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ амбары. Въ трапезѣ были сдѣланы лавки съ причелинами (т. е. разными прибоинами), столы, а также печь съ дымоволокомъ ¹⁾ Въ этихъ трапезахъ, какъ мы пояснимъ ниже, прихожане устраивали въ храмовые праздники складочные пиры „(питіе молебныхъ пивъ)“ и поминанье усопшихъ въ родительскіе дни. Сюда же собирались (по воскресеньямъ) на сходы „приходскіе люди“ для обсужденія своихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ и здѣсь рѣшались, съ церковнымъ старостой во главѣ и совмѣстно съ причтомъ, всѣ церковныя общинныя дѣла. Въ трапезѣ, конечно, происходили всякіе мірскіе выборы, принимались отчеты отъ церковнаго старосты съ отчеткою его предъ образами и съ передачей новому старостѣ „всемирской коробки“, заключа-

¹⁾ См. о трапезахъ при церквахъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Историческихъ матеріалахъ о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. собран. Холмогоровыми; напр въ выпускѣ V (радонежская десятина) на стр. 41, при описаніи церкви св. Юсафа, въ селѣ Измайловѣ, сказано: „изъ церкви въ трапезу перегородка столярскаго дѣла писана красками, у ней двери, затворъ на петляхъ съ паугольниками лужеными бѣлыми; два окошка, въ перегородкѣ и въ окошкахъ пять окончицъ слоденыхъ ея поперечными прутья желѣзными; нацъ перегородкою образъ Господа нашего I. X. писанъ на полотнѣ.

шей въ себѣ церковную казну вмѣстѣ съ грамотами, купчими, порядными, кабалами (заемными письмами) и другими общинными документами. Эта всемірская коробка всегда хранилась при церкви. Въ трапезѣ, наконецъ, читались государевы и владычные указы и грамоты, писались дьячками разныя порядныя, купчія и мірскіе приговоры, а также завѣщанія. Для надзора и уборки трапезы прихожане избирали на срокъ особаго сторожа, носившаго названіе „трапезника“, который, будучи „у старосты и мірскихъ людей въ послушаніи“, обязывался спать въ трапезѣ, отопливать ее въ зимнее время и мыть къ большимъ праздникамъ, ходить и собирать, „какъ староста пошлетъ или мірскіе люди“, „на каноны къ праздникамъ по крестьянамъ по солодъ“, и ѣздить „по крестьянамъ въ Филипповъ постъ по ругу, и о Христовѣ дни со кресты съ крылошены ходить и петровское збирать“. За эту службу трапезникъ получалъ отъ міра участокъ земли въ свое пользование.

*Трапез-
ныя явки.*

Эти трапезы въ старину, очевидно, составляли средоточіе всей сельской и городской жизни даже въ такихъ сравнительно большихъ городахъ, какъ Устюгъ; здѣсь бился нервъ этой жизни и весьма понятно, что въ трапезу приносили „вѣсти“ о происшествіяхъ, какъ въ городѣ, волости, такъ и за предѣлами ихъ. По установившемуся изстари обычаю въ трапезу также спѣшили всякій обиженный для сообщенія народу о тѣхъ насиліяхъ, притѣсненіяхъ и несправедливостяхъ, которыя онъ претерпѣлъ. Въ опубликованныхъ актахъ Холмогорскаго и Устюжскаго края (особенно въ т. XIV Рус. Ист. Биб.) встрѣчаемъ цѣлую массу такъ называемыхъ „трапезныхъ явокъ“, въ которыхъ оглашались всякія преступленія, учиненныя въ округѣ (убійства, грабежи, самоуправства, поби, угрозы). Эти явки подавались обыкновенно въ трапезѣ на имя церковнаго старосты, добрыхъ людей прихода и всѣхъ крестьянъ. Словесныя явки записывались по мірскому велѣнію дьячкомъ, а письменныя, — оканчивающіяся обычно стереотипною фразою „а вамъ-бы господа мои, старостѣ церковному и священнику и всѣмъ крестьянамъ было явно и вѣдомо про нашу нужду, — вычитывались въ народѣ и на нихъ дѣлалась отмѣтка, что „явка дана и чтена въ народѣ, въ трапезѣ“.

Благотворительность въ древне-русскомъ приходѣ была сильно развита. Знакомясь со старыми писцовыми книгами (XVI—XVII вѣк.), находимъ въ нихъ цѣнные указанія на существованіе около церквей, вмѣстѣ съ поповскими и причетническими дворами, дворовъ богадѣленныхъ, подъ названіемъ „келій для нищихъ“, проживательство коихъ около церквей, на церковной землѣ, было явленіемъ древней Руси. Совокупность всѣхъ этихъ дворовъ называлась „монастыремъ“; „а на монастырехъ жити нищимъ“, какъ выражался Судебникъ 1550 года. При описаніи погоста обозначалось обыкновенно во имя какого святаго или въ честь какого праздника церковь освящена, на чьей землѣ находится, кѣмъ построена, имѣетъ ли трапезу и „кельи для нищихъ“, и, если она выстроена „міромъ“ и имъ же доставлялось церковное имущество, то отмѣчалось: „строеніе церковное, образы, свѣчи, сосуды, книги, колокола („кленало“) — приходные“, или „оставленіе и строеніе мірское“, „строеніе рядовичъ“ (то-есть посадскихъ людей). Обращая вниманіе на эти „кельи“, усматриваемъ, что о нихъ упоминается при описаніи почти всѣхъ погостовъ; такъ напримѣръ, при описаніи Заопежской половины ¹⁾ Обонѣжской пятины, также Бѣжецкой и Деревской пятины, на каждомъ шагу въ писцовыхъ книгахъ читаемъ: „на погостѣ столько-то келій (три, пять, пятнадцать, двадцать двѣ), а въ нихъ живутъ нищіе (старцы и старицы) въ такомъ-то числѣ и питаются милостыней „о церкви Божіей и о приходѣ“; въ Михайловскомъ погостѣ, въ Коствѣ, находимъ „три кельи, а въ нихъ живутъ боярыни вдовы и черницы“. Тѣ же записи о нищенскихъ кельяхъ встрѣчаются и въ актахъ Холмогорской епархіи, напримѣръ: „въ стапу Ондреяновѣ, въ погостѣ Вознесенскомъ, двѣ кельи, а въ нихъ живутъ нищіе (старицы), а питаются отъ церкви Божіи (см. Рус. Ист. Биб., т. XIV, стр. 127). Въ городѣ Галичѣ (Костромской губерніи) въ 1609—1610 гг., при четырехъ приходскихъ храмахъ были устроены избы для нищихъ: „нищихъ въ кельяхъ около церквей на посадѣ—

¹⁾ Эта „половина“ простиралась по правому берегу рѣки Волхова къ Ладожскому озеру и отсюда поворачивала къ озеру Онежскому и обнимала его со всѣхъ сторонъ: въ ней считалось 45 погостовъ.

всего 68 келій“. Въ началѣ XVII вѣка, на церковныхъ земляхъ г. Нижняго-Новгорода находилось 60 келій для нищихъ, питавшихся отъ церквей Божіихъ, а въ лежащемъ близъ города погостѣ Молитовкѣ—пять нищенскихъ дворовъ ¹⁾. Въ писцовыхъ книгахъ Московскихъ слободъ XVII вѣка, какъ напримѣръ: въ Давиловскомъ, въ Гонной, въ Рогожскомъ, въ Красномъ и друг. находимъ, что церковная утварь, книги, ризы, образа и т. п. тоже „строепіе мірское“ и что на церковной землѣ были расположены кельи для нищихъ и „вдови дворы“ ²⁾. Къ этому же ряду питавшихся о церкви и о приходѣ относились бобыли, обѣднѣвшіе и безпашные крестьяне. Кромѣ того для сельскихъ нищихъ и убогихъ наши многочисленные, разбросанные по разнымъ мѣстамъ Россіи, монастыри служили, какъ и въ отдаленную старину, пріютами и прибѣжищами для обездоленнаго люда; такъ, по запискамъ Хутынскаго монастыря извѣстно, что тамъ была населена цѣлая слобода нищихъ, также и при Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ и другихъ ³⁾. Можно сказать, замѣчаетъ проф. Знаменскій (Прих. дух. на Руси), что сколько было церквей въ Россіи и приходовъ, столько же въ ней было богадѣлень, больницъ и приходскихъ монастырьковъ.

Такъ дѣло стояло въ селахъ и деревняхъ; что же ка-

¹⁾ См. отрывки изъ дозорной писцовой книги города Галича (1609—1610 гг.), помѣщенной въ № 21 „Москвитянина“ за 1851 годъ: мелочи и историческ. замѣт., стр. 74: Писцов. и перепис. книга XVII вѣка по Нижнему-Новгороду, изд. Арх. Ком., 1896 г., столб. 187. 315.

²⁾ См. Матер. для исторіи, археологіи и статистики гор. Москвы, собранные Н. Забѣлинымъ. 1884 г., ч. I, стр. 711, 714, 723, 725, 730, 756, 800, 823. См. также Историч. матеріалы о церк. XVI—XVIII ст. собр. Холмогоровыми: выпр. выпускъ I (Русская десятина, стр. 129, вып. IV (Селецкая десят.) ст. 44, 65, 92, 140, вып. V (Радоужская десят.), стр. 21, и другіе.

³⁾ См. писцовыя книги Бѣлевскаго уѣзда начала XVII вѣка, помѣщенные въ Бѣлевской вивлювикѣ, изд. Елагинымъ, 1858 г., т. I (станъ Погорьльской) №№ 23, 125, 254, 256, 261, стр.: 459, 505 (на погостѣ Долецкомъ) было 6 дворовъ, бобыльскихъ, безпашенныхъ людей, питавшихся въ числѣ 8 человекъ отъ церкви Божіей) и т. II, стр. 30, 145, 268 и др.

См. также писцовыя книги XVI вѣка восьми городовъ Коломны, Можайска, Казани, Свияжска, Тулы, Каширы, Велева и Лаишева: свѣдѣнія приведены у Чечулина „Нѣск. данныхъ о книгахъ по город. Моск. госуд.“ Спб. 1889 г., стр. 5 и послѣд. См. Акт. Экен, т. I, № 159

сается городовъ, то въ виду извѣстнаго постановленія Стоглаваго собора о необходимости устройства мужскихъ и женскихъ богадѣленъ во всѣхъ городахъ, подъ руководствомъ священниковъ, съ возложеніемъ на нихъ обязанности назидать и учить темный богадѣленный людъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что разныя богоугодныя заведенія были учреждены повсюду, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ. Ниже мы увидимъ, какое громадное количество богадѣленъ и больницъ было учреждено въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ, теперь же въ видѣ примѣра укажемъ, что въ городѣ Устюгѣ, въ XVII вѣкѣ, существовали, кромѣ двухъ больницъ, одной при Спасскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (Афанасьевская больница), а другой при Ивановскомъ мужскомъ монастырѣ, еще двѣ богадѣленные избы для нищихъ, старцовъ и старицъ, и при этихъ избахъ состоялъ особый священникъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка, у большого моста находилась „богадѣльня нищихъ старцовъ“, а также и при церкви св. Семіона. Извѣстно также, что въ Новгородѣ въ ту-же эпоху существовали прочно организованныя богадѣльни, больницы и страннопріимные дома.

Ко всему изложенному выше о приходской городской благотворительности надлежитъ еще добавить, что повсемѣстно въ древне-русскихъ городахъ находились, такъ называемые, „убогіе дома“ („Божьи дома“, „скудельницы“), т. е. особая кладбища для бѣдныхъ, странниковъ, кончившихъ жизнь насильственной смертью, безъ напутствія таинствами, оставленныхъ безъ совершенія надъ ними обрядовъ отпѣванія въ церкви и не оплаканныхъ родными. Въ эти убогіе дома, въ опредѣленные дни направлялись изъ ближайшихъ церквей и монастырей крестные ходы и благочестивые люди стекались съ гробами, одеждами и саванами для мертвыхъ, изъ усердія сами рыли ямы, опрятывали тѣла, надѣвали на нихъ бѣлыя рубахи и саваны, потомъ клали въ гробы и зарывали въ землю, а по распоряженію высшихъ духовныхъ властей отправлялась общая панихида по этимъ убогимъ людямъ. Царская семья принимала также участіе въ этомъ благотвореніи; такъ, каждый годъ на Троицкой недѣлѣ выдавались шитые во дворцѣ покровы на погребеніе умершихъ въ убогій домъ. За этихъ

благочестивыхъ людей, исполнявшихъ этотъ трудный христіанскій долгъ, наша церковь молится какъ за „труждающихся и поминающихъ убогихъ“. При такихъ убогихъ домахъ жилъ сторожъ, называвшійся „божедомомъ“, который давалъ также пріютъ подкинутымъ дѣтямъ, и такимъ образомъ эти убѣжища превращались въ воспитательные дома въ древней Руси ¹⁾.

Къ отдѣлу приходскаго благотворенія надлежитъ отнести выдачу неимущимъ („скуднымъ“) крестьянамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, также женщинамъ, такъ и цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ во главѣ съ ихъ сотскими, а равно и членамъ причта, въ ссуду изъ церковной казны денегъ, хлѣба, сѣмянъ, сѣна и проч. Эта выдача, какъ удостовѣряютъ новооткрытые акты, производилась „изстари“ повсемѣстно и въ весьма широкихъ размѣрахъ въ Холмогорскомъ и Устюжскомъ краѣ, гдѣ церковная казна являлась въ полномъ смыслѣ слова народнымъ банкомъ. То-же явленіе замѣчалось и въ Сибири въ XVII вѣкѣ; такъ изъ царской грамоты 1646 года Енисейскому воеводѣ узнаемъ: „а церковныхъ денегъ въ церковной казнѣ было не мало и церковные де старосты тѣхъ денегъ раздавали займы служилымъ и всякимъ людямъ“ ²⁾. Эти ссуды выдавались обыкновенно лично церковнымъ старостой, или по особому мѣрскому разрѣшенію, подъ закладъ движимаго и недвижимаго имущества (крестьяне закладывали также свои жеребья) для уплаты государственныхъ и земскихъ податей, а иногда и на постройку другой церкви, при чемъ заемъ этотъ до срока считался безъ роста, „а по сроцѣ-ростъ“ ³⁾.

¹⁾ Въ гор. Нековѣ „скудельницы“ были „на всякомъ концѣ на посадѣ“. См. П. С. Л., т. IV, стр. 230 (подъ 1466 год.); см. о скудельницахъ въ г. Новгородѣ въ 1389 г., тотъ же томъ, стр. 97. См. стат. Снегирева „О скудельницахъ, или убогихъ домахъ въ Россіи“, въ сочин. „Рус. простонар. празд.“, вып. III, стр. 177—210; также у Костомарова „Очер. дач. жизни“, стр. 257 и слѣд. Забѣлинъ „Мат. для ист. Москвы, ч. I, 1884 г., пред. стр. 81.

²⁾ Дон. къ Акт. Ист., т. III, № 8.

³⁾ Весьма любопытно, что очень многіе крестьяне отдавали въ закладъ: серьги, перстни, ожерелья жемчужныя, корольки, шитые шелками и золотомъ рубашки, куски суконъ, тулы со стрѣлами и даже иконы въ серебряныхъ ризахъ; находженіе такихъ вещей у крестьянъ указываетъ съ другой стороны, на извѣстную въ ихъ средѣ зажиточность.

Благотворительная сторона этихъ ссудъ усматривается, кромѣ указаннаго льготнаго условія о процентахъ, еще и изъ того факта, что, ни церковные старосты, ни приходскія общины, какъ видно вовсе не тѣснили заемщиковъ. Въ церковной казнѣ большинства церквей того времени встрѣчалось очень много старыхъ заемныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ кабалъ (писанныхъ обыкновенно церковными дьячками), которыя лежали безъ взысканія по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ. Деньги взыскивались и по частямъ, особенно при займѣ цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, отдѣльные члены котораго участвовали въ этомъ займѣ „на паяхъ“. Иногда давались ссуды и безкабально, въ большинствѣ случаевъ по мірскому о семъ приговору. О такомъ добродушномъ отношеніи приходскихъ общинъ къ своимъ заемщикамъ весьма краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ можетъ служить, напримѣръ, приговоръ (послѣ 1618 года) крестьянъ Афанасьевского и Федоровскаго приходовъ (Устюжскаго края) о томъ, чтобы изъ 18-ти рублей съ полтиною церковныхъ денегъ, взыскивавшихся съ Некраса Кувакина и Панкратія Пономарева, взыскать лишь 4 рубля, „а въ достальныхъ денгахъ“, какъ значитъ въ приговорѣ, „простили: Аванасію Александрійскому, да Федору Стратилату отдали судити“ (то есть тѣмъ святымъ, въ честь которыхъ выстроены были эти церкви) ¹⁾.

Говоря о правахъ общины надъ ея отдѣльными членами, мы имѣли случай пояснить, что она свою власть и надзоръ простирала не только на общественное поведеніе своихъ сочленовъ, но даже и на ихъ семейную жизнь; такъ въ старыхъ актахъ находятся такія требованія: „съ матерью своею не бранитьца и не битьца и жены своей не безвѣчить напрасно“. Особеннымъ покровительствомъ міра пользовались жены, которыхъ онъ защищалъ отъ тиранства мужей, обуздывая ихъ жестокіе порывы. Міръ требовалъ поручительства за добрую нравственность тѣхъ лицъ, которыхъ онъ принималъ въ свою среду, или же избиралъ

Надзоръ приходской общины за нравственностью своихъ сочленовъ.

¹⁾ Акты Холмогорской и Устюжской епархій въ Русской Исторической бібліотекѣ, 1894 г., т. XIV, № 16, стр. 859.—Въ русскихъ монастыряхъ были сосредоточены большіе запасы хлѣба (житницы). См. подробности у Лешкова, Рус. нар. и госуд. стр. 488.

на какую либо общественную должность; такъ въ актахъ писалось: „и ночью ходячи вина и пива и табаку не покупать и не пити и самому тѣмъ не промышляти, и на домъ пьяныхъ не приводить“. Также точно приходъ не оставался равнодушнымъ къ отправленію своими сочленами религиозныхъ ихъ обязанностей и требовалъ отъ нихъ хожденія въ церковь и исполненія долга исповѣди. Для поднятія общественной нравственности прихожане въ старину „обговорившись“ на сходкѣ, и „благословившись“ у отца духовнаго, постановляли о запрещеніи всякой работы въ воскресные и праздничные дни, которые надлежало проводить „съ чистотою и любовью“ и обязывали того, кто нарушитъ это постановленіе платить штрафъ „на церковное строеніе“ ¹⁾.

*Заботы
прихода о
насажденіи
грамотно-
сти и об-
разованія.*

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашемъ древнемъ приходѣ при церкви содержался на общій счетъ прихожанъ учитель, носившій въ старину названіе „мастера“; во множественномъ числѣ эти мастера назывались „учительными людьми“ ²⁾. Этотъ мастеръ состоялъ обыкновенно въ числѣ членовъ мѣстнаго причта, но бывалъ также и лицомъ свѣтскаго званія; онъ собиралъ къ себѣ, по соглашенію съ родителями, дѣтей для обученія грамотѣ, то есть чтенію, письму и пѣнію. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ о распространеніи грамотности въ древней Руси служить извѣстный отвѣтъ Стоглаваго собора, что „прежде сего въ Россійскомъ царствіи,—на Москвѣ и въ великомъ Новѣгородѣ и по инымъ городомъ,—многія училища бывали. грамотѣ и писати и пѣти и чести учили, и потому тогда грамоте и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было, но пѣвцы и четцы и добры писцы тогда славны были по всей землѣ и до днесь“. Проэктируя въ своемъ отвѣтѣ царю „о училищехъ книжныхъ по всеѣмъ городомъ“, мѣры къ распространенію на Руси просвѣщенія, особенно среди

¹⁾ См. наиримѣръ, Акт. Юрид., № 301 (II), 326, 358.

²⁾ См. о названіи „мастера“ въ извѣстномъ посланіи архіепископа Новгородскаго Геннадія (Акт. Ист. I, 104); названіе „учитель“ встрѣчается въ разныхъ житіяхъ святыхъ. По свидѣтельству „Стоглава“, ставленники говорили на архіерейскомъ экзаменѣ: „мы де учимся у своихъ масте-

духовенства, Стоглавый соборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписывалъ учителямъ: „беречь и хранить учениковъ во всякой чистотѣ“¹⁾. Эти указанія Стоглаваго собора о существованіи въ древнія времена повсемѣстно школъ на Руси находятъ себѣ полное подтвержденію въ нашихъ лѣтописяхъ и въ Степенной книгѣ. Помимо тѣхъ лѣтописныхъ указаній въ Исторіи Россійской Татищева, которыя представляютъ наше древнее просвѣщеніе въ до Монгольскій періодъ въ блестящемъ видѣ, дошедшія до насъ лѣтописи, какъ известно, сообщаютъ весьма много цѣнныхъ свѣдѣній о церковно-приходскихъ училищахъ временъ св. Владиміра, Ярослава и ближайшей къ нимъ эпохи. Воля св. Владиміра, по замѣчанію митрополита Макарія²⁾, основанному на лѣтописныхъ сказаніяхъ, заключалась въ томъ, что-бы въ каждомъ приходѣ находилась школа, въ которой мѣстное духовенство занималось бы обученіемъ дѣтей. Въ лѣтописяхъ, въ житіяхъ святыхъ и въ Степенной книгѣ упоминается, въ частности, о школахъ, бывшихъ въ XI—XIII вѣкахъ въ Кіевѣ, Новгородѣ (въ 1030 г.), Курскѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Туровѣ и вообще во всѣхъ тѣхъ центрахъ, гдѣ находились епископскія кафедръ, и гдѣ учреждены были монастыри, служившіе въ старину, по преимуществу, разсадниками религіозно-правственнаго образованія, и принимавшіе также дѣтей для обученія книжнаго³⁾. Въ этихъ школахъ не ограничивались однимъ обученіемъ грамотѣ, но внушали и устанавливали начала нравственности на основаніи ученія вѣры. Такимъ образомъ наши древнія училища имѣли учебно-воспитательный характеръ и являлись непосредственной опорой церкви. Ученикъ, выучившись чтенію, получалъ книгу религіозно-правственнаго содержанія (обыкновенно псалтырь съ толкованіями), надъ которымъ и производилось дальнѣйшее его упражненіе и совершенствованіе.

Вышеприведенное постановленіе Стоглаваго собора о на-

1) „Стоглавъ“, изд. въ Казани, 1862 г., стр. 120—122.

2) Макарій, Ист. рус. цер., т. I, стр. 112.

3) См. соч. Н. Лавровскаго „О древне русскихъ училищахъ“, Харьковъ, 1854 г., стр. 19, 29, 30—40, 50, 54 и 65, см. стат. „Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Руси“, Прав. Собесѣд., 1858 г., ч. I.

сажденіи народнаго просвѣщенія на Руси не осталось мертвою буквою, какъ въ томъ убѣждаютъ наказы соборнаго уложенія, разосланные въ разныя области Россіи. Хотя соборныя постановленія говорятъ лишь объ открытіи городскихъ училищъ, но изъ наказныхъ списковъ усматривается, что соборъ равно имѣлъ въ виду и учрежденіе сельскихъ и деревенскихъ школъ, при чемъ предназначалъ эти школы не только для духовенства, но и для всѣхъ православныхъ христіанъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ предписывалось въ наказѣ мѣстнымъ властямъ и духовенству во Владимірѣ (также и въ Каргополь) приводить въ исполненіе соборное положеніе объ устройствѣ училищъ: „Такожь бо есте избрали и уставили книжныя училища и книжныхъ писцовъ училище въ городѣ, и на посадѣ, и по волостемъ, и по погостомъ“, причемъ предписывалось учреждать училища въ домахъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, и далѣе указывалось, чтобы „всѣ священники и дьякони и всѣ православныя христіане, въ коемъ ждо градѣ и по волостемъ и по селамъ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго писма, и церковнаго пѣнія салтычнаго и чтенія налойнаго“¹⁾.

Соборный призывъ къ народу о самодѣятельности и самопомощи въ великомъ дѣлѣ насажденія просвѣщенія на Руси нашель себѣ полное сочувствіе у царей: Бориса и Алексѣя Михайловича, у патріарха Никона, у патріарховъ восточныхъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, а также среди такихъ выдающихся дѣятелей, какими были для своей эпохи: св. Гурій, первый архіепископъ Казанскій, учредившій народныя школы въ новопокоренномъ краѣ, и „мужъ милостивый“ бояринъ Ртищевъ, извѣстный филологъ XVII вѣка. Особенно энергично ратовали за насажденіе народнаго просвѣщенія бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи. Такъ соборъ Вселенскихъ патріарховъ, утвердившій въ Россіи патріаршество, постановилъ правиломъ заводить повсюду

¹⁾ См. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 года, или Стоглава. И. Бѣляева, Москва, 1863 г., стр. 23.

Стоглавъ, по мнѣнію И. Бѣляева, былъ актомъ официальнымъ, опредѣленія котораго разсылались въ свое время къ исполненію говоря языкомъ нашей новѣйшей администраціи, циркулярно“. (См. предисл.)

училища. Въ 7-ой главѣ опредѣленій сего собора сказано было: „святой Соборъ вмѣняетъ въ обязанность каждому епископу въ его епархіи заботиться и употреблять возможные способы, что-бы кто можетъ изучалъ Божественныя и священныя писанія, и оказывать посильную помощь, какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться“. Позднѣ, именно въ XVII вѣкѣ, ученый митрополитъ Галскій Паисій Лигаридъ, занимаясь по порученію царя Алексѣя Михайловича опроверженіемъ извѣстной Соловецкой челобитной, въ сочиненіи своемъ указывалъ царю и русскому обществу необходимость еще большаго распространенія училищъ для изученія греческаго, славянскаго и латинскаго языковъ, и объяснялъ, что основой для поднятія церковнаго и гражданскаго сана являются: во первыхъ—училища, во вторыхъ—училища и въ третьихъ—училища. Подобнымъ же образомъ патріархи: Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій, приходившіе въ Москву въ 1666 году для устройства дѣлъ церкви Россійской, въ словѣ, предложенномъ отъ лица ихъ въ день Рождества Христова, увѣщевала народъ и царя: „взыскать премудрости“. Къ устройству училищъ патріархи особенно призывали высшихъ пастырей русской церкви, имѣвшихъ многія отчины и доходы, „не хотимъ же“, говорили они, „да вся тягота и бремя на прекрѣпкѣй царскій престолъ возложится“; при этомъ патріархи въ подкрѣпленіе своей рѣчи указывали, „что и прежде бывшіе патріархи, установившіе здѣ патріархію, между иными заповѣдями, яже единодушно уставили, и то завѣтоваша, да здѣ соборъ училищный, украшенный различными приходами, сотворится къ расширенію ученій и юношъ хотящихъ учиться умноженію, вѣдуще велику быти отсюда церкви и царству пользу“. Въ томъ же духѣ писалъ царю іерусалимскій патріархъ Досифей, рекомендовавший извѣстныхъ братьевъ Лихудовъ ¹⁾. Всѣ эти поощренія и совѣты къ поднятію у насъ просвѣщенія, какъ извѣстно, не остались втупѣ. Въ XVII вѣкѣ многіе ученые люди изъ юго-западной Россіи стали стекаться въ Москву, и въ

¹⁾ См. Прибавл. къ Твор. св. от. 1845 г., ст. „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ XVII вѣка, особенно стр. 151, 161, 163, 164, 165, 168, 176 другія.

ней начали учреждаться даже высшія учебныя заведенія (Андреевское, Чудовское, книгъ печатнаго двора, Законоспасское); и среди этихъ ученыхъ явились люди, которые энергично стали совѣтовать о распространеніи просвѣщенія въ народѣ. Такъ извѣстный Чудовскій инокъ Евенмій, входившій въ составъ ученаго братства, образовавшагося въ Москвѣ подъ главенствомъ Киевскаго ученаго Елифанія Славеницкаго, въ своемъ поученіи взывалъ: „пецыся и промышляй всѣмъ сердцемъ и душой елика твоя сила, увѣщавати царя и прочыя могущыя, еже устроить училища вездѣ, ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получиши оставленіе ¹⁾“.

Поставивъ себѣ цѣлью хотя нѣсколько уяснить дѣятельность древне-русскихъ приходоѡ также и въ отношеніи просвѣтительной задачи, мы не станемъ здѣсь слѣдить за тѣмъ подъемомъ духа, обнаружившимся въ XVII вѣкѣ среди русскихъ правящихъ классовъ, высшаго духовенства, а также лучшихъ представителей тогдашняго Московскаго общества, въ отношеніи поднятія народнаго образованія, и сосредоточимъ наше исключительное вниманіе на тѣхъ данныхъ, которыя выясняютъ дѣятельность прихожанъ въ отношеніи устройства приходскаго школьнаго дѣла.

Въ подтвержденіе того положенія, что въ эпоху XVII вѣка находженіе церковно-приходской школы при церквахъ было явленіемъ обычнымъ, мы сошлемся, между прочимъ, на извѣстія рукописнаго сборника XVII вѣка, въ которомъ, вмѣстѣ съ указаніемъ, что на церковь надлежало жертвовать: „дабы училища и школы быти могли“, сообщалось, что вообще при церквахъ состояли также, вмѣстѣ съ богадѣльнями, училища или школы, въ которыхъ учителя получали плату, а бѣднѣйшіе изъ учениковъ пособие, также изъ доходовъ церкви ²⁾. Далѣе, весьма въ этомъ отношеніи важна царская грамота 1629 года Новгородскимъ воеводамъ князю Пожарскому и Глѣбову, изъ которой уз-

¹⁾ Горскій и Невоструевъ, Опис. слав. рук. Моск. Синод. биб., № 3 8, л. 38. стр. 816.—Также ратовалъ за народное просвѣщеніе извѣстный Крижаничъ (Русск. госуд. въ полов. XVII вѣка, изд. Безсоновымъ, ч. I, стр. 321).

²⁾ „Москвитянинъ“, № 22, за 1851 г. „Еще историческое замѣчаніе“, стр. 154.

наемъ, во первыхъ, что въ Новгородѣ школьное обученіе было такъ распространено, что многіе нѣмцы изъ Любека, Колывани, желая обучить своихъ дѣтей русской грамотѣ, хлопотали объ отдачѣ ихъ Новгородскимъ учителямъ, а во вторыхъ, въ грамотѣ сообщалось гдѣ происходило обыкновенно обученіе дѣтей: „а учаться они русской грамотѣ въ Великомъ Новгородѣ, на посадѣ, у церковныхъ дьячковъ ¹⁾. Въ царской грамотѣ, разосланной въ 1648 году по всей Россіи и Сибири и предписывающей исправленіе нравовъ и уничтоженіе суевѣрій, сообщалось „о приходскихъ попахъ и учителныхъ людяхъ“, обучавшихъ народъ грамотѣ; такъ, сѣтованія объ упадкѣ добрыхъ нравовъ изложены въ грамотѣ, между прочимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „а отцовъ духовныхъ и по приходомъ поповъ и учителныхъ людей наказанья не слушаютъ“; далѣе въ грамотѣ вѣсьмъ православнымъ крестьянамъ предписывалось: „отцовъ своихъ духовныхъ и учителныхъ людей наказанья и ученія слушать ²⁾. Въ описаніи города Боровска XVII вѣка сказано: „подлѣ торговой площади и Калужской дороги построена богадѣльня, а въ ней живутъ нищіе, да подлѣ той же богадѣльни построена школа для ученія дѣтямъ“ ³⁾. Но о существованіи приходскихъ учителей, или мастеровъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, а также о значительномъ распространеніи грамотности въ народѣ, мы имѣемъ цѣнныя свѣдѣнія, не только изъ эпохи XVII вѣка, но и о времени болѣе раннемъ, а именно о положеніи приходскаго школьнаго дѣла въ XVI и даже въ XV вѣкѣ. Изъ житій святыхъ XV — XVII вѣковъ узнаемъ о существованіи многихъ сельскихъ и деревенскихъ школъ, не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ напр. въ Обонежѣ, въ Бѣломорской области, у Бѣлаго озера. Вообще громадное количество писанныхъ книгъ и документовъ (самаго разнообраз-

¹⁾ А. А. Э., т. III, № 184. Сравн. Востокова, Опис. рукоп. Рум. музея 1842 г., стр. 67, грамоты XLVI.

²⁾ См. Иванова, Описан. госуд. арх. стар. дѣлъ, Москва, 1850 г., стр. 296—299; А. Ист., т. IV, № 35. Эта грамота читалась въ городахъ всенародно.

³⁾ Чечулинъ, Нѣск. данныхъ о книгахъ по городамъ Москов. госуд. въ XVI вѣкѣ, С.-Пб., 1889 г., стр. 5.

наго юридическаго содержанія, тонко составленныхъ и съ многочисленными рукоприкладствами), дошедшихъ до насъ отъ XV — XVII вѣковъ, привело ученаго изслѣдователя древне-Московской образованности, Соболевскаго, къ заключенію, что грамотность, не говоря о высшихъ классахъ, была настолько распространена въ простомъ народѣ, что въ эпоху XVI—XVII вѣка между простолюдинами встрѣчалось около 15—20 % грамотныхъ ¹⁾. Другой изслѣдователь по тому же предмету Д. Мордовцевъ, на основаніи изученія азбуковниковъ XVII вѣка утверждаетъ, что въ то время существовали отдѣльныя училища, особые дома, гдѣ собиралось русское юношество для наученія книжнаго ²⁾. Изъ эпохи XVII вѣка сохранился, какъ извѣстно, весьма любопытный актъ о выборѣ сельскаго пономаря; этотъ актъ можетъ служить интересной иллюстраціей для быта и жизни древняго прихода. Въ этомъ актѣ прихожане Никольской слободы Сторожевскаго монастыря приговорили быть у церкви въ приходѣ пономаремъ Архина Пименова сына Второва и, возлагая на него надзоръ за всѣмъ церковнымъ имуществомъ и за книгами, обязывали его смотрѣть за малыми ребятами „въ кои дни доведетца по книгамъ говорить“ и накрѣпко приказывали ему, пономарю, слѣдить „что-бы они (то есть дѣти) говоря по книгамъ, книги берегли и не драли и воскомъ словъ не закапывали, по домамъ изъ церкви книгъ безъ спросу и безъ вѣдома никто не бралъ, а ему, пономарю, къ себѣ въ домъ для наученія своихъ дѣтей церковныхъ книгъ не имать ³⁾. Это любопытное свидѣтельство о существованіи въ старину библиотекъ, не только въ монастыряхъ или архіерейскихъ домахъ (что извѣстно), но и при обыкновенныхъ городскихъ и сельскихъ приходскихъ церквахъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ цѣнномъ указаніи, что въ библиотекахъ приходскихъ церквей города Устюга Великаго въ XVII вѣкѣ было книгъ 700 томовъ и 68 названій, при чемъ въ составъ этихъ

1) Соболевскій, Образов. Моск. Руси, XV—XVII вѣк., стр. 4, 8—13.

2) Мордовцевъ, „О рус. школьн. книг.“ XVII вѣка. Москва, 1862 г.

3) А. Юр., № 287.

книгъ входили: 1., книги библейскія и ихъ толкованія; 2., богослужебныя книги и 3., творенія св. отецъ, житія святыхъ и разные сборники; сдѣлавшій это указаніе Бояновскій при этомъ замѣчаетъ, что нѣкоторая часть этихъ книгъ покупалась на средства прихожанъ ¹⁾. Это указаніе благодаря опубликованію двухъ томовъ Устюжскихъ и Холмогорскихъ актовъ, не остается въ настоящее время одинокимъ; изъ названныхъ актовъ усматривается, что весьма многія церкви сѣвернаго края обладали такими церковно-приходскими библиотеками, которыя носили въ старину названія: „книгохранительницъ“. Такъ напримѣръ въ Сольвычегодскомъ соборѣ находилась такая обширная книгохранительница, что въ ней даже отыскалось сочиненіе Козмы Индиклопова „Космографія“, а въ Николаевскомъ Коряжемскомъ монастырѣ въ числѣ библиотечныхъ книгъ былъ „Стоглавъ“ царя Ивана Васильевича ²⁾. Въ такихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ при приходскихъ церквяхъ: Богоявленской, Николаевской, Флора и Лавра, Яхренской волости, въ церкви Сухоно-Благовѣщенскаго прихода, въ церкви Николаевской Кодласской, въ церкви Сольвычегодскаго уѣзда, Печезерской волости, Архангельскаго прихода, въ церкви Спаса на Красномъ Бору, Устюжскаго уѣзда, Устьевской волости, имѣлись собранія книгъ, купленныхъ по обыкновенію въ Москвѣ на пожертвованія прихожанъ, при чемъ книгохранительница Красноборской Спасской церкви по изобилію книгъ обращаетъ на себя особое вниманіе ³⁾. Кромѣ того надлежитъ за-

¹⁾ Бояновскій, „Къ ист. просвѣщ въ древ. Руси XVII вѣка“; книги въ Устюгѣ Великомъ, С.-Пб. 1892 г., стр. 8—15. „Улица“ (въ смыслѣ прихода) участвуетъ въ снабженіи своей церкви книгами церковными, какъ то видно изъ приписки на харатейномъ прологѣ Москов. Синод. библиот. Эта надпись гласитъ: „въ лѣто 6998 написаны быша книги сія, глаголемыя прологъ ко святому чудотворцю Козмѣ и Даміану на Кузмодеміану улицу повелѣніемъ рабовъ Божіихъ (перечисляются сначала бояре) и вси улицы Кузмодеміанѣ. См. Обзор. перг. рук. Соф. биб. Купріянова, 1857 г., предисл. стр. 2 (примѣчаніе).

²⁾ См. т. XII. Р. И. Б. Уст. акты: №№ ССХVII, стр. 1002, и ССXXXVII, стр. 1115.

³⁾ См. т. XII Р. И. Б. Уст. акты, стр. 752, 806—809, 820, 1178.

мѣтить, что у тамошнихъ простолюдиновъ имѣлись даже небольшія собранія книгъ, и среди прихожанъ посредствомъ покупки распространялись такія книги, какъ Библія, отдѣльныя книги свящ. Писанія, Псалтырь, Маргаритъ Кирилла Иерусалимскаго и проч. ¹⁾).

А. Панковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тотъ же томъ, Холмогор. акты, стр. 20, 26, 234, 236, 414.—На основаніи писцовыхъ книгъ XVI вѣка Чечулинъ (Нѣск. данныхъ о книгахъ по городамъ Моск. госуд.) устанавливаетъ тотъ фактъ, что при церквахъ 8 городовъ: Коломны, Можайска, Казани, Свияжска, Тулы, Каширы, Венева и Лаишева находилось 2.000 рукописныхъ книгъ.—О значительномъ количествѣ книгъ при приходскихъ церквахъ сѣверн. Россіи см. интересныя подробности у Срезневскаго. Свѣд. и зам. о малозв. и неизв. памяти. глава XL. О громадномъ количествѣ книгъ духовнаго содержанія въ церквахъ и монастыряхъ г. Нижняго Новгорода въ началѣ XVII вѣка, см. „Писцовую и переписную книгу“ этого города, изд. Арх. Ком. въ 1896 г., стр. 35, 339, 340, 347 и мн. другія.